

№ 292. Воскресенье, 1 декабря 1913 года.

У Т Р О Ю Г А

Жизнь русского искусства.

III.

Вокруг «Бѣсовъ» Достоевскаго.

Постановка «Николая Ставрогина» всколыхнула жизнь русских литературных кружковъ и интересующаго его общества. Какъ круги отъ брошеннаго въ воду камня потянулись за этою постановкою лекціи, публичные диспуты и горячіе споры. Старые споры, все о томъ же, являются ли «Бѣсы» однимъ изъ крупнѣйшихъ созданій «жестокаго таланта», дѣйствительно-ли это «книга великаго гнѣва», которую надо читать и перечитывать или же это позорный пасквиль на ту фазу русскаго освободительнаго движенія, которая пережита была русскимъ обществомъ въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, каррикатура на революціонную нигилистическую Россію, вредная литература, которую лучше всего никогда не брать съ полки шкафа, и не раскрывать. Началось все, какъ извѣстно, съ писемъ Максима Горькаго, выступившаго съ порицаніемъ театра даже еще до постановки «Николая Ставрогина», а затѣмъ, конечно, какъ это бываетъ всегда, защитники взглядовъ изгнанника далеко опередили его самого и договорились до совершенно невѣроятныхъ вещей. На одномъ изъ диспутовъ, напимѣръ, ораторы изъ публики прямо провозглашали, что кромѣ негодованія «Бѣсы» не могутъ вызывать никакого впечатлѣнія въ читателѣ, что это возмутительная книга, бредъ помѣшаннаго, въ глазахъ котораго все искажено, что автора

«Бѣсовъ» слѣдовало посадить въ желтый домъ, что романъ этотъ—позорное пятно на благородной русской литературѣ и пр., и пр. Нашлось и очень простое объясненіе того, что заставляло писателя унизиться до этого пасквиля. Онъ, видите ли, былъ измученъ всѣмъ пережитымъ, ужасъ, испытанный имъ на эшафотѣ, когда онъ съ завязанными глазами ждалъ исполненія смертнаго приговора, тяжесть каторги, все это совершенно сломилъ его и навсегда спугнуло изъ его души все, что нѣкогда къ себѣ его влекло. Измученный, онъ жаждалъ только мѣщанскаго благополучія и чуждался общественности, но не могъ загородить свою впечатлительную душу отъ впечатлѣній жизни; она по-прежнему звала его за собою, звала въ бой за ея свѣтлыя идеалы, звала туда, гдѣ снова грозила тюрьма, ссылка и т. п. И Достоевскій ненавидѣлъ эту зовущую его жизнь, видѣлъ въ ней злѣйшаго своего врага, злобствовалъ на передовую Россію, оплевывалъ ее и съ сатанинскою яростью обливалъ ее позоромъ и клеветою. И это Достоевскій-то, который на каждомъ шагу плодилъ вокругъ себя враговъ, отравлялъ себѣ спокойную жизнь, издавалъ свой «Дневникъ» и до послѣдняго издыханія бился за то, что казалось ему правдою и спасеніемъ Россіи!

О Художественномъ театрѣ нечего и говорить. Еще вчера рукоплескавшая ему безъ разбора публика теперь яростно кричитъ, что театръ играетъ въ руку реакціи, что ему давно пора выдавать субсидію отъ казны.

Доходятъ даже до того, что въ самомъ совершенствѣ Художественнаго театра въ томъ, что онъ сумѣлъ сдѣлаться первымъ театромъ въ мірѣ, и въ этомъ видятъ его реакціонность. Онъ, видите-ли, отвлекаетъ общество отъ его

прямыхъ задачъ. Общество должно денно и
нощно биться за свои поправныя права, а те-
атръ зоветь его въ заоблачныя выси эстетич-
ескихъ переживаній и убаюкиваетъ красота-
ми сказокъ про Синюю птицу или волнуеть
вопросами о постановкѣ «Гамлета» въ куби-
кахъ Гордона Брага. Слушаешь все это и
ждешь, что вотъ, вотъ раздастся призывъ
прекратить посѣщеніе концертовъ, не слу-
шать оперу, не ходить на выставки картинъ
и собираться только на тайныя митинги по
разнымъ политическимъ вопросамъ. Наивные
мы люди. Мы все еще думаемъ, что можно по
заказу заниматься общественными дѣлами,
интересоваться политикою и отстаивать свои
права. И какъ ярко выступаетъ при этомъ
наша жажда упрощеннаго міровоззрѣнія.
Правда, не мы сами до него додумались. Намъ
усердно приучаютъ къ тому, что все въ жи-
зни надо мѣрять на аршинъ благонамѣрен-
ности и по этой мѣркѣ квалифицировать. На
железную дорогу нанимаютъ машиниста,
справляясь не объ его умѣнн управлять ло-
комотивомъ, а брать: какого цвѣта его поли-
тическія убѣжденія, научность измѣряютъ по
количеству ученыхъ трудовъ, а степенью
благонамѣренности. А мы, привыкши къ та-
кому обмѣру человѣческой личности то же все
применяемъ только не на благонамѣрен-
ность, а, наоборотъ, на неблагонадеж-
ность. Намъ стригли, выпрашивая якобы на
политическихъ ссыльныхъ и тутъ же, у насъ
передъ носомъ, умирали съ голоду люди. Въ
самомъ дѣлѣ пострадавшіе изъ-за своихъ
убѣжденій, не предавшіе своей чести, не же-
лавшіе покрывать воровство и взяточничь-
ство. И къ Достоевскому и его «Бѣсамъ» мы
подошли съ тою же мѣркою упрощенной про-
бы на красный цвѣтъ. Проба, конечно, дала
рѣзко отрицательный результатъ и въ Досто-
евского полетѣли, какъ и въ старицу камни
и грязь. Много усилий пришлось поклонни-
камъ писателя затратить, чтобы убѣдить пу-
блику взглянуть на «Бѣсовъ» съ другой сто-
роны, и въ этомъ отношеніи всего болѣе было
сдѣлано редакціею журнала «Маски», устро-
ившею два диспута. Подходя къ произведе-
ніямъ Достоевскаго, никогда не надо забы-
вать, что онъ ни въ одномъ изъ своихъ про-
изведеній не былъ только художникомъ. На
каждой страницѣ онъ становится то глу-
бокимъ психологомъ, то философомъ, задумав-
шимся надъ коренными вопросами жизни. Въ
«Бѣсахъ» онъ, кромѣ того и публицистъ. Онъ
нисходитъ съ высоты эстетическаго созерца-
нія въ самую грязь, гуцу жизни и становит-
ся изъ художника обывателемъ, злымъ, жел-
нымъ и пристрастнымъ. Изъ подъ пера его
выходитъ строка небольшого художественна-
го произведенія, а мелкаго памфлета. На нѣ-
которыхъ страницахъ Достоевскій становит-
ся даже прямо неузнаваемымъ. Надо же на-
учиться все это отбрасывать, и заглянуть въ
настоящую глубину написаннаго жестокимъ
художникомъ.

Достоевскій не вѣрилъ въ стройность чело-
вѣческой души. Онъ ярко ощущалъ и въ себѣ
и въ окружающемъ отравляющее ее бѣсовь-
ское начало. Бѣсы живутъ всегда въ чело-
вѣческой душѣ и дѣлаютъ изъ жизни чертовъ
водевилъ». Они бѣснуются и въ «Братьяхъ
Карамазовыхъ», и въ душѣ Раскольникова.
Настасья Филипповна или Рогожина, но са-
мый большой просторъ имъ въ душѣ тѣхъ,
кто объявилъ себя свободнымъ, кто въ своей
гордынѣ отвергъ Бога и захотѣлъ сдѣлаться
строителемъ жизни. Вотъ гдѣ бѣсамъ полный
просторъ. И Достоевскій взялъ объектомъ
своей вивисекціи революціонный нигилизмъ
шестидесятыхъ годовъ. При этомъ Достоев-
скаго совершенно не интересуютъ ни ихъ про-
грамма, ни ихъ цѣли. Ему интересна только
ихъ брошенная на растерзаніе бѣсамъ чело-
вѣческая душа... Правда-ли, однако, все, что
разсказываетъ при этомъ Достоевскій? Чтобы
отвѣтить на это, припомнимъ хотя бы недав-
но пережитое Россіей и спросимъ себя снова,
не получился ли въ концѣ концовъ изъ всего
тотъ же «Чертовъ водевилъ». Припомнимъ
гг. Азефовъ и другихъ, имъ же имя легионъ.
Вѣдь если въ душѣ Верховенскаго играли въ
чехарку бѣсы, то въ душѣ нашихъ, болѣе
близкихъ знакомыхъ, воистину потѣшался
самъ сатана...

Говорятъ, что все это намъ ни къ чему и
задумываться обо всемъ этомъ не стоитъ. На-
до устраивать жизнь, а не копаться въ потем-
кахъ челоѣческой психологіи. Это, разумѣет-
ся, такъ, если только можно было бы успоко-
иться на мысли, что съ нами самими все об-
стоитъ вполне благополучно. Если мы въ
полномъ спокойствіи относительно самихъ
себя, если мы вполне годны для борьбы и за-
воеванія лучшаго будущаго, то, разумѣется,
не о чемъ задумываться. Надо только оты-
скать излѣкающій рецептъ и по этому рецеп-
ту все продѣлать.

Однако, недавнее прошедшее «перезнача-
мое» настоящее едва-ли можетъ поселить въ ду-
шѣ такую спокойную увѣренность. Если же
такъ, то быть можетъ именно теперь-то и не
мѣшаетъ вздумываться въ Достоевскаго. Въдѣ-
лѣхъ, никакъ, а «чертовъ водевилъ» едва-ли
ислѣзаетъ. Не стоитъ жить, если не вѣ-
рять, что можно размыкать изъ жизни что-
нибудь получше, а въ такомъ случаѣ не мѣ-
шаетъ имѣть въ виду и ту бѣсовщину, съ во-
торой челоѣчку постоянно приходится имѣть
дѣло въ своей душѣ. Какъ знать, можетъ
быть, во многомъ удастся одержать надъ эти-
ми бѣсами побѣду. Не все же ихъ верхъ.

ЧЕРГЪ И ГЛАГОЛЬ.